

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

**St.Petersbourg Journal
of Oriental Studies**

выпуск 1

volume 1

**Издательско-Коммерческая Фирма
"ВОДОЛЕЙ"**

**Санкт-Петербург
1992**

Альманах "Петербургское Востоковедение" издается по мере накопления материала, но не реже двух раз в год. Центр "Петербургское Востоковедение" выражает признательность фирме "ИНТ" за помощь в подготовке настоящего выпуска альманаха.

Редколлегия: И.Алимов (редактор-составитель)
Roger T.Ames (University of Hawaii, USA)
Stephen H.West (University of California, USA)
М.Родионов (Музей Этнографии им.Петра Великого)

Над выпуском работали: С.Сухачев, А.Ланьков, Н.Гурова,
О.Трофимова, Д.Ильин

Адрес для корреспонденции:
199034 Санкт-Петербург
Университетская наб.3
Музей Этнографии
им.Петра Великого
И.Алимов

Contact address:
Igor A.Alimov
Peter The Great Museum
of Ethnography
3 Universitetskaya nab.
St.Petersbourg 199034

tel: (812) 218 43 77
fax: (812) 218 08 11

Публикуемые материалы подвергаются исключительно техническому редактированию. Центр приносит свои извинения за недостатки настоящего издания.

- © Центр "Петербургское Востоковедение", 1992
- © St.Petersbourg Centre for Oriental Studies, 1992
- © 聖彼得堡東方學中心, 1992
- © И.Алимов, составление, 1992

☞ All rights reserved ☜

ISBN 5-87852-010-9

"Шихуа отшельника Лю-и" Оуян Сю

И.Алимов

Музей этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(Санкт-Петербург)

1

Одной из главных особенностей китайской культуры является, как известно, непрерывное развитие ее письменной традиции, когда на протяжении многих веков переписывались, комментировались, перекомпоновывались известные тексты, что и служило основанием для возникновения текстов новых: само появление письменного произведения было обусловлено (и поддерживалось) существованием других. Поэтому понятен интерес и внимание к прошлому создателей и читателей этих текстов. В своих суждениях о событиях древности они опирались на уже существующие письменные произведения, и письменный текст воспринимали как достоверное свидетельство¹. Китайские ученые-книжники стремились к историчности, строгой проверенности сообщаемых ими сведений. Еще Конфуций говорил: "Я передаю, но не создаю"², имея в виду, что все, о чем говорит он, существовало и раньше, а он, Конфуций, лишь взял на себя труд донести до своих современников, опираясь при этом на письменные свидетельства³.

¹ Подобное отношение к написанному свойственно, видимо, любой традиционной культуре, но в данном случае хотелось бы подчеркнуть историзм именно культуры китайской как ее типологическую особенность.

² Цит. по кн.: Древнекитайская философия. Собрание текстов., т.1, М., 1972, с.153.

³ Ср. его же высказывание: "Что касается ритуала династии Ся, я могу рассказать о нем, но [не могу рассказать о ритуале] государства Ци, так как недостаточно

Строгая выверенность приводимых фактов особенно видна в тех китайских сочинениях, которые принято относить к историческим (хотя характер историчности лежит на всей китайской письменной культуре, в том числе и на той ее части, которую мы сегодня относим к литературе). Уже Сыма Цянь (145(135?) г. до н.э.-?) в своих "Исторических записках", излагая известные ему сведения о том или ином историческом лице или событии, свое личное мнение о нем добавлял часто в конце, как бы отстраняясь от всего сказанного ранее и подчеркивая объективность приведенных свидетельств словами: "А я, тайши-гун (Великий придворный историограф), скажу...". Эта же тенденция распространилась со временем и на ту часть письменной традиции, про которую нам сегодня, как будто, известно, что она является в большей степени порождением авторской фантазии и более, чем все прочее (не говоря о поэзии) отвечает современным представлениям о литературе - например, в прозе сяошо эпохи Тан (618-907) самые необычайные сюжеты сопровождаются точным указанием времени и места действия или свидетелей, могущих подтвердить истинность рассказанного. Широко используется в прозе сяошо и прием отстранения, когда автор, вторя Сыма Цяню, приводит после основного текста то, что считает нужным добавить "от себя", используя и похожие выражения⁴.

Результатом непрерывного развития письменной культуры стало сравнительно ранее появление великого множества самых разных по своему характеру письменных текстов. Их поступательное развитие поддерживала и существовавшая в старом

свидетельств. Что касается ритуала династии Инь, я могу рассказать о нем, но [не могу рассказать о ритуале] государства Сун, так как недостаточно свидетельств. Причина всего этого в том, что недостаточно [исторических] документов. Если бы их было достаточно, я мог бы опереться [на них]" (там же, с.146).

⁴ Так, в сборнике Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот" (XI в.) автор нередко использует формулу: "Мое же мнение таково..." (Пин юэ). Возможно, это художественный прием, употребляемый для усиления эффекта достоверности, но возможно также что такие произведения и не принадлежали самому Лю Фу (или другим авторам, пользующимся подобными формулами), и он по каким-то причинам занес их в свой сборник, снабдив, однако, собственным суждением. См.: Лю Фу. Цин со гао и (Высокие суждения у дворцовых ворот), Шанхай, 1983.

Китае система управления страной, при которой грамотность, эрудиция и знания, которые сегодня мы бы отнесли в первую очередь к гуманитарным, поощрялись государством. Владение литературным слогом, знание сочинений предшественников, умение писать стихи открывало дорогу к государственной службе, самому достойному предмету приложения сил, энергии и знаний ученого мужа-книжника⁵. Неустанный вдохновенный труд поколений ученых мужей привел к грандиозному расцвету письменной культуры, которой было свойственно, в частности, весьма дробное, дифференцированное жанровое деление. Например, танский историограф Лю Чжи-цзи (661-721), рассматривая сюжетную прозу сяошо как материал для составления исторических сочинений, выделил десять жанров этой прозы, а именно: частные записки (пяньцзи), короткие заметки (сяолу), незафиксированное в официальных историях (иши), мелкие речения (соцзянь), исторические обозрения областей (цзюньшу), семейные хроники (цзяши), отдельные биографии (бечуань), разные записи (цзацзи), географические описания (дили), сведения о столице и уездах (дуибу)⁶. Это, конечно, частное мнение Лю Чжи-цзи, однако отсюда видно, сколь тонкая дифференциация предусматривалась для сюжетной прозы уже в VIII веке, что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития культуры в целом.

2

Жанры литератур стран Дальнего Востока и, в частности, Китая пока еще изучены недостаточно, о многих из них в научной

⁵ Речь идет о системе государственных экзаменов на право занятия вакантной должности в аппарате управления страной.

⁶ Подробнее см.: Чэн И-чжун. Лунь Тандай сяошодэ яньцзиньчжи и (О свидетельствах развития сяошо эпохи Тан). – В кн.: Вэнсюэ и чань (Литературное наследие), 1987, N 5, с.44-53.

литературе сказано слишком мало. К числу таких жанров относится и жанр шихуа, родоначальником которого считается известный государственный деятель и книжник эпохи Северная Сун (968-1127) Оуян Сю (1007-1072)⁷.

Сам термин шихуа в своем составе содержит два слога - "ши" (классические стихи) и "хуа", смысл которого современный китайский исследователь Чжоу Чжэнь-фу справедливо объясняет через слово "гуши", т.е. истории, записи о некоем происшествии, анекдот⁸. В сочетании это дает что-то вроде "историй о стихах" или - "рассуждений о стихах" (именно такой перевод предлагает Е.А.Серебряков⁹). Однако, следует признать и справедливость перевода Джэймса ТЛю: "Talks on poets, poems & poetry", развернутость которого он объясняет тем, что в этом жанре объединены самые разнообразные вещи - от анекдотов (anecdotes) о поэтах, каких-либо происшествиях, связанных со стихами, до элементов нарождающейся литературной критики¹⁰.

Истоки шихуа следует в первую очередь искать в китайской сюжетной прозе сяошо, генетически восходящей к жизнеописаниям в династийных историях; уже в ранних сборниках сяошо есть достаточное число рассказов, посвященных поэтам, поэзии или каким-то стихотворениям, что неудивительно, если учесть, насколько тесно карьера китайского книжника была связана с его

⁷ Подробнее о жизни, деятельности и творчестве Оуян Сю см. его биографию в 319 цзюани "Истории династии Сун", материалы 27 цзюани "Сун ши цзиши бэньмо" ("Хронология событий от начала и до конца династии Сун"). J.T.C.Liu. Ouyang Hsiu. Stanford, California, 1967; Е.А.Серебряков. Китайская поэзия X-XI веков. Жанры ши и цы. Л., 1979, с.207-246 и др.

⁸ Чжунго лидай шихуа сюань (Избранные шихуа в Китае разных эпох). Чанша, 1985, т.1, Чжоу Чжэнь-фу. Предисловие. Там же Чжоу Чжэнь-фу пишет и о том, что употребление слова "хуа" в смысле "гуши" (истории) существовало уже при династии Тан.

⁹ Е.А.Серебряков. Китайская поэзия..., с.213.

¹⁰ J.T.Liu Ouyang Hsiu - Sung Biographies, Weissbaden, 1976, v.2, p.812.

умением слагать стихи¹¹. Например, в широко известном сборнике Лю И-цина (403-444) "Новые повествования нашего века" ("Шишо синьюй") есть несколько рассказов как раз такого рода, в том числе и "Цзо Сы сочиняет "Оду трем столицам" или "Юй Чань сочиняет "Оду славной столице"¹², описывающие показавшиеся Лю И-цину примечательными случаи, связанные с этими одами. Так, в первом рассказе речь идет о том, как известный поэт Цзо Сы, живший во время Западной Цзинь (265-316), написал свою оду, но никто из современников ее не принял, а все наоборот только хулили и ругали. Тогда Цзо Сы обратился за помощью к Чжан Хуа (232-300), который посоветовал показать одну сначала Хуанфу Ми (214-282), прославленному и авторитетному литератору, мол, когда такой человек оценит, то и все прочие будут хвалить. Случилось именно так, как предсказывал Чжан Хуа. В этом рассказе вообще нет стихотворных включений. Однако это не является правилом, и в некоторых других рассказах встречаются стихотворные строки. Отсутствие в сяошо стихотворных примеров естественно, поскольку в этих рассказах главным элементом является сюжет, а стихи, даже будучи предметом повествования, могли быть взяты только в качестве детали, сюжет украшающей.

Эпизоды, даже целые рассказы сяошо, связанные с историей создания стихов или же с толкованием известных выражений, взятых из стихотворений прославленных поэтов, сохранились и в прозе последующего времени. Так, в "Записках о путешествии в Чжоу и Цзинь" Ню Сэн-жу (779-847)¹³ рассказывается о том, как

¹¹ В двухтомном издании "Избранные шихуа в Китае различных эпох" предпринята попытка собрать напоминающие шихуа фрагменты прозы сяошо, начиная со сборника Лю И-цина. Туда же включены отрывки и из собственно шихуа.

¹² Эти два рассказа см. в переводе В. Сухорукова в кн.: Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I-IV веков. М., 1980, с. 282.

¹³ В русском переводе, выполненном О. Л. Фишман, эта новелла называется "Путешествие в далекое прошлое" (см.: Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII-IX вв.), М., 1970, с. 206-215. Собственно, стихи становятся неотъемлемой частью ганской новеллы чуаньци, а в этой новелле Ню Сэн-жу они занимают даже больше

автор слагал стихи с небожительницами; новелла сунского времени "Записки о красном листе" Чжан Ши (XI в.)¹⁴ может рассматриваться как своеобразный комментарий к нескольким широко известным стихотворениям того времени. Однако, в прозе сяошо речь идет, как правило, о стихах вымышленных героев или лиц, чья историческая достоверность сомнительна, а то и совсем не подтверждается.

Кроме того существовала и развивалась бессюжетная проза да и сама поэзия - оказавшие значительное влияние на формирование жанра шихуа: трактаты и эссе (нередко написанные стихами), посвященные выяснению места поэзии в мирозерцании человека, назначения поэзии, ее форм, категорий, законов стихосложения. Одним из первых произведений такого рода следует считать "Категории стихотворений" ("Ши пинь") лянского Чжун Жуна¹⁵. В нем рассмотрены пятисловные стихи ста двадцати двух авторов со времен династии Хань (со II века до н.э.) и по VI век; они сгруппированы по трем категориям - соответственно таланту, влиянию на последующих поэтов, популярности (разумеется, с точки зрения Чжун Жуна). В.М.Алексеев так охарактеризовал это произведение: "Таким образом, предшественник Сыкун Ту занимался исключительно критикою стихотворений по их достоинствам, перечисляя авторов поименно и давая их творчеству сжатые и меткие характеристики"¹⁶. Были и произведения, отличные от "Категорий стихотворений" Чжун Жуна - например, "Двадцать четыре категории стихотворений" ("Эр ши сы ши пинь") Сыкун Ту (837-908). Сочинение это хоть и посвящено поэзии, но списков поэтов и оценок их стихов не содержит, а является скорее

места; чем прозаический текст, который является своеобразным сюжетным обрамлением и пояснением к стихам.

¹⁴ См.эту новеллу в переводе А.Рогачева в кн.: Нефритовая гуаньинь, Новеллы и повести эпохи Сун (X-XIII вв.), М., 1972.

¹⁵ Чжун Жун (ум.в 518 г.?) был человек большой учености, знаток классических книг и, в частности, "Книги Перемен". "Категории стихотворений" он написал после 513 г. См.: Лисевич И.С. Великий китайский критик Чжун Жун (ок.469-518) - в кн.: Литература и культура Китая, М., 1972.

¹⁶ Алексеев В.М. Китайская Поэма о Поэте. Стансы Сыкун Ту. Пг., 1916, с.5.

трактатом по, если можно так выразиться, теории поэтического вдохновения, наития, и потому название работы В.М.Алексеева, классически исследовавшего это сочинение Сыкун Ту - "Китайская Поэма о Поэте", где под Поэтом подразумевается не конкретный Сыкун Ту, а поэт вообще, весьма точно отражает содержание этого любопытнейшего произведения. Стансы Сыкун Ту представляют собой скорее некую исповедь поэта о тайнах вдохновения и поэтического "ремесла", чем собрание сведений. Безусловное влияние на становление жанра шихуа оказали предисловия к различным собраниям стихотворений и поэтическим антологиям - начиная от "Книги Песен" ("Шицзин").

Таким образом, к сунскому времени в китайской книжной традиции существовали с одной стороны (в составе сборников прозы сяошо) рассказы, посвященные поэтам или каким-то стихам; с другой - сочинения, в которых были собраны и подвергнуты критическому анализу сведения о стихотворениях и самих поэтах (и некоторые из них отличались от шихуа, пожалуй, только отсутствием "родовых" иероглифов в названии); наконец, были произведения, посвященные собственно поэзии, так сказать, теоретические трактаты о поэтическом творчестве. Во всех вышеперечисленных видах сочинений китайские книжники скрупулезно собрали большое количество информации и свидетельств; все это и создало почву для возникновения нового жанра.

3

Как было сказано, первенство в создании произведения в жанре шихуа принадлежит Оуян Сю. В раннесунское время у термина "хуа" сохранился, по-видимому, тот же смысл, что и при Тан, т.е. гуши (истории). По крайней мере, Оуян Сю начинает свое

шихуа с фразы¹⁷: "Уединенно поселившись на южном берегу Жу, отшельник составил из праздной болтовни (сяньтань) сборник", и речь здесь идет именно о таких историях¹⁸. В "Шихуа отшельника Лю-и" таких историй двадцать девять (включая сюда и вышеприведенное предисловие). Это сравнительно маленькие по объему отрывки текста, в которых прозаические рассуждения (сюжетные или бессюжетные) сочетаются с поэтическими строками; эти строки и являются центральными образующими компонентами отрывков - все написано именно ради них, вокруг них разворачивается (или к ним сводится) логическая нить прозаического повествования. Вырванных из стихотворения поэтических строк, как правило, две¹⁹.

При небольшом объеме содержание шихуа Оуян Сю очень разнообразно - в нем говорится и о технике стихосложения, и о том, как были утеряны или сохранены те или иные произведения, о стилистических различиях поэтических направлений, даются сведения и о самих поэтах, т.е. шихуа Оуян Сю вобрало в себя и элементы сюжетной прозы сяошо, и собраний сведений о поэзии, и трактатов о поэтическом мастерстве, не являясь при этом ни тем, ни другим. Материал шихуа Оуян Сю распадается на несколько более или менее устойчивых тематических групп, именно:

1. Отрывки, представляющие из себя своеобразный комментарий к поэтическим строкам, взятым из поэзии выражениям или отдельным словам. Характерным примером может служить отрывок, где комментируются четыре строчки из двух стихотворений, посвященных особенностям жизни

¹⁷ которую китайские исследователи традиционно рассматривают как предисловие, хотя тому и нет формальных признаков.

¹⁸ У Сыма Гуана (1019-1086) в "Продолжении Шихуа" сказано: "...хоть мне и не угнаться за славой литературного слога господина Оуяна, однако, у меня есть записи кое-каких историй (ши) - только потому я и осмеливаюсь продолжить его труд!" (Лидай шихуа (Шихуа разных эпох), Пекин, 1982, с.274).

¹⁹ Впрочем, это правило имеет свои исключения уже в шихуа Оуяна Сю - так, в отрывке N 8 стихотворных строк нет совсем, но там говорится о стихах, а в 14 и 24-ом отрывках помещены (для памяти) целые стихотворения в 24 и 16 строк соответственно.

чиновничества в столице (N4)²⁰; такой комментарий может содержать оценку - например, быть критическим: в отрывке N2 Оуян Сю показывает, что в строку стихотворения Ли Фана (925-996) вкралась ошибка и приводит доказательства.

2. Отрывки, в которых Оуян Сю дает оценку тем или иным поэтическим строкам или их авторам. Более часты у него оценки хвалебные - Мэй Яо-чэня (N 15), Чжоу Пу (N 12) и т.д., однако, могут быть и весьма уничижительные оценки - так, Оуян Сю зло издевается над танскими поэтами Мэн Цзяо и Цзя Дао, до такой степени упивавшихся жизненными трудностями, что это породило курьезные строчки в их стихах (N 11). Такие отрывки напоминают "Категории..." Чжун Жуна.

3. Отрывки, представляющие из себя записи коротких, примечательных (с точки зрения Оуян Сю) случаев с поэтами, анекдоты о поэтах. В отрывках такого рода часто сообщаются интереснейшие сведения: о поэтическом состязании между девятью буддийскими монахами и Сюй Дуном (N 10) мы узнаем только отсюда; это и просто записи информационного характера, сообщающие сведения о прославленных (и не очень прославленных) поэтах - о Чжао Ши-мине (N 27), Сун Ци (N 29) и др. Произведения этой группы особенно близки к сюжетной прозе сяошо.

4. Отрывки, содержащие некоторые элементы теоретических взглядов на поэзию самого Оуян Сю (или его друга Мэй Яо-чэня, перед суждениями о поэзии которого Оуян Сю преклонялся). Представляют несомненный интерес, например, высказывания Мэй Яо-чэня о том, какое губительное влияние может иметь злословие на репутацию самой удачной строки (N 16) или диалог между Мэем и Оуян Сю об искусстве владения словом (N 13). Отрывки этой группы по своему духу близки к поэтическому трактату Сыкун Ту.

²⁰ Нумерация отрывков отсутствует как в первоначальном тексте, так и в современном китайском переиздании и здесь введена для удобства; каждому номеру здесь и ниже соответствует определенный отрывок в тексте перевода.

Своим сочинением Оуян Сю сделал еще один шаг к тому, к чему все года стремился китайский книжник - к созданию такого типа тематически организованного сочинения, которое было охватывало самый разнообразный материал самых разных жанров и форм, к собранию в рамках одного сочинения сведений энциклопедического характера, когда путем сведения вместе стихотворений (рассказов) разных авторов эпох создавалась новая совокупность текстов.

В этом жанр шихуа сближается с широко распространившимся в то же время новым типом сборника - бицзи²¹, являющимся, по сути, наджанровой системой, объединяющей произведения различных жанров в целях автора данного собрания²²; в сборники бицзи привлекались как сюжетная, бессюжетная проза, стихи, отдельные, выполненные по типу шихуа отрывки, так и, нередко, целые шихуа. В "Высоких суждениях у дворцовых ворот" Лю Фу (XI в.) присутствует, например, "Рассуждение о стихах знаменитых господ", где собраны понравившиеся автору строки из отдельных стихотворений известных поэтов с некоторыми прозаическими пояснениями к ним (как правило, очень краткими, но включающими в себя и оценки автора шихуа)²³.

²¹ Работ, специально посвященных бицзи, крайне мало. См., например, Лю Е-чунь. Лидай бицзи гайшу (Краткий исторический очерк бицзи), Пекин, 1980; Фишман О.Л. Три китайских новеллиста XVII-XVIII вв., М., 1980 и другие работы того же автора, посвященные цинским сборникам бицзи. Кстати, Оуян Сю был и автором одного из первых сборников бицзи сунского времени - "Записей вернувшегося к (родным) полям" ("Гуй тянь лу"), 1067 г.).

²² Часто сейчас для нас эти цели остаются неясными, композиционные принципы формирования сборника не поддаются расшифровке, и поэтому сборники такого рода производят впечатление бессистемного собрания самых разнородных материалов и сведений, собрания, объединившего в себе то, что попало автору и почему-то его заинтересовало. В результате получались своеобразные дневникового, эссеистического характера нерегулярные записи, куда вошли не только личные впечатления, но и чужие произведения - стихи, рассказы, новеллы и т.д. Это впечатление обманчиво, и бессистемность - лишь кажущаяся, поскольку ключ для понимания этого пока не найден.

²³ См.: Лю Фу. Высокие суждения..., с.46-50. См. также подобные произведения (но без "родовых" иероглифов в названии) на стр.87-94. Влияние шихуа Оуян Сю

Нельзя не отметить и то сходство, которое раннесунские произведения в жанре шихуа имеют с жанром ута-моногатари в Японии эпохи Хэйан (794-1192)", т.е. повествования (моногатари) о том, как, кем и при каких обстоятельствах была сложена та или иная танка (ута)"²⁴. В работе, посвященной "Исэ моногатари", Н.И.Конрад писал, что это произведение состоит из отрывков совершенно законченных и независимых, и "каждый из них состоит из двух частей - прозаической и стихотворной. Обычно сначала идет проза - более или менее длительное накопление прозаических фраз, а затем - стихотворение..."²⁵. Как и в шихуа, главной составляющей частью здесь выступают стихи²⁶, а сами отрывки не имеют заголовков и, конечно, номеров. Нет возможности говорить о какой-то связи этих жанров или о культурном влиянии, но подобные сходные явления в культуре сопредельных стран представляют безусловный интерес и заслуживают отдельного исследования.

4

Появление шихуа Оуян Сю было своевременным и закономерным, и то, что произведения в этом жанре в самое короткое время широко распространились²⁷, сразу же начали

очевидно хотя бы по прямым заимствованиям. Вопрос об авторстве в таких сборниках (как и вообще в средневековой литературе) в достаточной степени не изучен, и в "Высоких суждениях..." нигде не сказано, кто является автором этих шихуа. Следует думать, что это сам Лю Фу.

²⁴ См.: Л.М.Ермакова. Ямато-моногатари как литературный памятник - в кн.: Ямато-моногатари. Пер.с яп., иссл., комм. Л.М.Ермаковой, М., 1982, с.11.

²⁵ Н.И.Конрад. Исэ моногатари - в кн.: Исэ моногатари. Пер., статья и прим. Н.И.Конрада., М., 1979, с.157.

²⁶ Л.М.Ермакова пишет, что в ута-моногатари "текстом, несомненно, является именно танка, прозаическая часть подчинена ей и обеспечивает некоторые аспекты понимания пятистишия" (там же, с.54).

²⁷ Среди появившихся в Китае после 1071 года шихуа можно назвать "Продолжение шихуа" Сыма Гуана, "Чжуншань шихуа" Лю Биня (1022-1088), "Хоушань шихуа" Чэнь Ши-дао (1053-1101), "Шихуа господина Ши-миня" Е Мэн-дэ (1077-1148) и многие, многие другие.

входить на правах составных элементов в более крупные литературные собрания, следует, видимо, объяснять тем, что жанр шихуа решал сходную задачу - сохранить знания о поэзии, сами поэтические произведения, зафиксировать их для будущих поколений, уточнить неточное и исправить неверное²⁸. Жанр позволил объединить самые разнообразные сведения о поэзии и поэтах в одном произведении, создать тем самым новую общность текстов, благодаря которой стал возможен и несколько иной взгляд на содержание приводимых свидетельств. Китайские книжники всегда придавали поэзии большое значение как источнику достоверных сведений. Писал об этом и Оуян Сю в своем шихуа: "О живших при Тан людях, отменно владевших каким-то искусством (...) мы узнаем из строк стихов танских мудрецов. Благодаря им, слава об этих людях дошла и до последующих поколений" (N 17).

Для исследователя китайской поэзии и культуры вообще произведения в жанре шихуа представляют несомненную ценность тем, что в них часто заключены уникальные сведения и материалы, касающиеся поэзии. Кроме того, шихуа включает и оценочные мнения китайских книжников, часто целые подборки таких мнений по поводу какого-либо стихотворения (поэта, литературного направления и т.д.), и это не менее ценно, чем то, о чем само высказывание, поскольку позволяет нам сегодня составить представление о восприятии современниками того или иного поэтического произведения или явления в книжности и проникнуть

²⁸ Так делает уже Оуян Сю: в своем шихуа он записывает выражения из стихов смысла которых не понимает, однако, обстоятельно указывает все то, что ему об этом известно в надежде, что потом кто-нибудь разберется лучше (N 18, 26). Его ожидания оправдал уже Сыма Гуан, уточнив в своем шихуа сведения, например, о девяти монахах-поэтах: "У господина Оуяна сказано: собрание стихов девяти монахов утеряно. Но я, будучи весной первого года Юань-Фэн (1078) в храме Юйцюаньсы, что на горе Ваньаньшань и заночевав там у цзиньши Минь Жу-цзяо, нашел эту книгу! Девятерых монахов звали..." - и Сыма Гуан перечисляет их имена (См.: Шихуа разных эпох..., с.180). Все эти сведения дошли до нас только благодаря Оуян Сю и Сыма Гуану.

тем самым в суть главных категорий китайской культуры (избежав многих домыслов, ошибок и заблуждений)²⁹.

Жанр шихуа можно и нужно рассматривать и как один из истоков китайской литературной критики, а Оуян Сю - как одного из ее родоначальников, ведь именно он "первым свел вместе свои критические суждения о поэзии в коллекцию над названием ши-хуа (poetry talks); так и было положено начало литературной критике, существующей до настоящего времени"³⁰. Маленькое по объему, "Шихуа отшельника Лю-и открыло дорогу для гораздо более значительных произведений в этом жанре. В задачу настоящей работы не входит рассмотрение всей истории развития жанра, однако, нельзя не отметить тенденцию к укрупнению в шихуа последующего времени. Содержание самого понятия "шихуа" тоже было подвергнуто переосмыслению и если у Оуян Сю доля собственно теории поэзии и стихосложения незначительна, то уже в "Шихуа господина Цан-лан" южносунского Янь Юя, написанном в тридцатых годах XIII века, дается деление шихуа как целого на пять составляющих³¹, включающих в себя в себя по большей части именно разные аспекты теории стихосложения или литературной критики, а места для историй о поэтах (и "хуа" в смысле "гуши") уже почти не остается.

²⁹ Хорошо известно, что современные категориальные понятия при использовании их для описания культуры средневековой часто просто не работают, а искусственное их перенесение может повлечь за собой выводы, не подтверждающиеся материалом. Тем более следует быть осторожным в отношении культур стран Юго-Восточной Азии. Чем, как не перенесением европейского понятия о комическом на китайскую почву иначе можно объяснить высказывание Е.М.Мелетинского "чем дальше на Восток, тем комический элемент слабее, юмор по-настоящему вторгается в китайскую новеллу XVII в. в творчестве знаменитого Пу Сун-лина" (Е.М.Мелетинский. Проблемы сравнительного изучения средневековой литературы (Запад/Восток). - В кн.: Литература и искусство в системе культуры. М., 1988, с.82).

³⁰ Donald A.Holzman. Ouyang Hsiu - Dictionary of Oriental Literatures. East Asia. Tokyo, 1978, p.134-135.

³¹ Это: "шибянь" (признаки стихов "ши"), "шити" (поэтические стили), "шифа" (стихосложение), "шипин" (собственно поэтическая критика) и "шичжэн" (выправление поэтических текстов).

Оуян Сю

ШИХУА ОТШЕЛЬНИКА ЛЮ-И

(1) Уединенно поселившись на южном берегу Жу, отшельник составил из праздной болтовни сборник¹.

(2) Покойный господин Ли Вэнь-чжэн² преподнес (императору) стихи "Погребальная песня в Юнчанлине", и там были такие строки: "Пять раз ко двору владыки яшму я приносил. Три раза, бразды правления держа, покорность князей принимал". Все придворные тогда подносили стихи, и это стихотворение было признано наилучшим. Упомянутые же три князя - это Лю Чжэнь из Гуаннани³, Мэн Чан из Западного Шу⁴ и Ли Хоу-чжу из Цзяннани⁵. Что же до пяти императорских церемоний, то тут ошибка!

Когда подошел конец четвертому году под девизом правления Цзянь-лун⁶, император Тай-цзу⁷ в начале следующего года выехал в предместье для принесения жертв и изменил девиз на Гань-дэ⁸. На шестой год этого девиза⁹ он снова принес жертвы и изменил девиз на Кай-бао¹⁰. В пятом году этого девиза¹¹ правления император опять принес жертвы, но девиз менять не стал. В девятом году была умиротворена Цзяннань¹², а в четвертую луну император устроил большое моление о ниспослании дождя, отрекся от престола и удалился в западную столицу. Таким образом, жертвоприношений небу, как говорится, с нефритом в руках¹³ было на самом деле четыре. Господин Ли сам жил в то время и не стал бы обманывать, так что ошиблись те, кто передавал эту историю.

(3) В годы правления императора Жэнь-цзуна¹⁴ несколько именитых сановников прославились своими стихами. поскольку все они преклонялись перед поэтическим стилем Бо Лэ-тяня¹⁵, то и в выражениях стремились к простоте. Вот, например: "Коль на службе, то жену, детей корми от пуза. Если же удачи нет - как простые люди будь". Какой-то насмешник заметил: "Вчера я, проходя по дороге, повстречал кибитку - так тяжело нагруженную, что вол с великим трудом вез ее! Не это ли ваше, господин, "корми от пуза жену и детей"?" Слышавшие передавали это как забавную шутку.

(4) В окрестностях императорской столицы великое множество красивых мест, но чиновные люди так загружены делами службы, что с трудом выкраивают в погожий денег время насладиться пиром или прогулкой средь прелестных пейзажей. В стихах кого-то из них была такая строка: "Торговец с цветами на коромыслах любит, голову задрал, на персики и сливы. Продавец вина ловит жадно звуки музыки, несущиеся с башни"¹⁶.

В буддийском монастыре Интянь, что в Западной столице¹⁷, есть императорский зал поклонения духам предков - на северном берегу реки, в десяти с чем-то ли¹⁸ от Хэнаньфу¹⁹. Каждый год все чиновники - и знатные, именитые, и простые служащие - являются сюда на утреннюю службу очень рано, что для них весьма мучительно. Когда служба кончается, казенное вино обходит всех три раза, и чиновники, не перебросившись словом, возвращаются назад. Об этом говорят и стихи: "Будто во сне крепком десять ли прошел. Ни слова не промолвив, три чаши осушил".

Хоть сложены эти строки и грубовато, но в них речь о том, что действительно было в обеих столицах!

(5) Мэй Шэн-юй²⁰ однажды на пиру у Фань Син-вэня²¹ сложил стихотворение "Рыба-иглобрюх". Там были такие строчки: "Весной, на отмели появляются ростки тростника. Весной ветер с берега несет тополиный пух. И в это время рыба-иглобрюх. Дороже ценится, чем все другие рыбы!"

Рыбы-иглобрюхи в это время постоянно появляются на закате, целыми стаями носятся они у поверхности воды, едят пух и жиреют. Многие южане варят суп из рыбы и ростков тростника и говорят, что этот суп вкуснее любого другого. Потому-то люди, понимающие толк в стихах, и говорят, что уже эти две строки раскрыли тему стихотворения и что уже в них сполна отражены достоинства иглобрюха.

Всю свою жизнь Шэн-юй терпел горе из-за стихов²², вкладывал в них великую и отвлеченную простоту древности, потому стихи у него и получались такие печальные! А это - было написано средь шумного застолья, когда великое воодушевление водило кистью Шэн-юя. Стихи родились в одно мгновение и были признаны верхом совершенства.

(6) Сюэши Су Цзы-чжань²³ был родом из Шу²⁴. Как-то в Юйцзинцзяне ему посчастливилось достать мягкий футляр для лука, сделанный из маньской материи - такие продают юго-западные варвары²⁵. На футляре был вышит узор по мотивам стихотворения Мэй Шэн-юя "Весенний снег"²⁶. Это стихотворение есть в "Собрании Шэн-юя", но оно не столь знаменито. Да, видно, слава Шэн-юя так широко распространилась по Поднебесной и, стихотворение за стихотворением, докатилась даже до варварских земель, что и там, в далеких окраинах его стихи так высоко ценятся!.. Получив этот футляр, Цзы-чжань передал его мне, поскольку я ближе знал Шэн-юя. В моей семье издавна хранится цинь - его изготовил еще Лэй Хуэй²⁷ в третий год Бао-ли²⁸, с тех пор прошло уже двести пятьдесят лет! Звуки этого циня так чисты, словно ударяешь о драгоценный камень. И вот я вложил цинь в тот футляр. Эти две вещи стали истинными сокровищами моего дома!

(7) Буддийский монах из У²⁹ по имени Цзань-нин³⁰ в начале правления династии был назначен в Сэнлусы. Цзань-нин прочитал множество конфуцианских сочинений, он обладал обширнейшими познаниями и превосходной памятью, да к тому же наделен способностью к сочинительству. А в искусстве спора никто не мог с ним тягаться. В то время жил некий Ань Хун-цзянь,

писавший весьма отменно и прозу, и стихи "цы"³¹. Но еще лучше Хун-цзянь умел вышучивать людей в стихах. И вот, как-то на улице он встретил Цзань-нина, который шел в сопровождении нескольких монахов. Указав на Цзань-нина пальцем, Хун-цзянь сказал: "Нелюбимые спутники" дугуаня³² Чжэна часто ходят гуськом!", на что Цзань-нин тут же ответил: "Те, кого Цинь Ши-хуан не успел закопать³³, часто собираются в толпы!" Все бывшие при этом сочли, что Цзань-нин одержал полную победу. А говорил Хун-цзянь о стихотворении Чжэн Гу³⁴, где сказано: "Любишь ли, нет ли монаха в фиолетовой рясе".

(8) Чжэн Гу широко прославился в конце Тан своими стихами, и из них был составлен сборник "Облачная терраса". Молва передает, что Чжэн занимал чиновничий пост, вот и говорили: "стихи дугуаня Чжэна". Его стихи - очень интересны, в них много метких строчек, а вот правилам стихосложения стихи эти соответствуют не так же строго. По стихам Чжэна, из-за их простоты и понятности, во многих семьях обучали детишек, и я, когда был маленьким, тоже превосходно знал наизусть его стихи. Ныне же собрания стихов Чжэн Гу уж не встретишь в свете!

Мэй Шэн-юй на закате лет своих тоже дослужился до поста дугуаня, и вот, однажды, когда мы вместе пили вино в моем доме, Лю Юань-фу шутливо сказал: "Уж до большей должности Шэн-юю не дослужиться!" Все гости испугались, а Юань-фу продолжал: "Ведь раньше был дугуань Чжэн, а теперь - дугуань Мэй. "Однако, Шэн-юй нахмурился еще больше. А вскоре после этого он заболел и умер. Я написал предисловие к его стихам, а сборник назвал "Собрание Ваньлин"³⁵. Ныне люди называют эту книгу "стихи дугуаня Мэя". Так одно шутливое слово оказалось сущей правдой. Ну не печально ли!

(9) Шэжэнь Чэнь Цун-и³⁶ в то время, когда широко распространился параллельный стиль³⁷, один славился как захваченный древними каноническими книгами ученый, а среди его стихов большое число написано в стиле Бо Лэ-тяня. После Яна

и Лю, которые обменивались стихами, и распространения в свете "Собрания Сикунь", те, кто готовился к экзаменам, наперебой стали использовать эти (новые) стихи. Представления об изящном в одночасье изменились, и все заговорили о "стиле Сикунь"³⁸. Поэтому собрания стихов танских мудрецов были преданы забвению и не распространялись более.

Во времена господина Чэня вдруг был найден старый список стихов Ду. Текст изобилует пропусками и ошибками. В строчке "Он, легок как птица..." из стихотворения "Посылаю дувэю Цаю" не хватало одного иероглифа³⁹, и господин Чэнь вместе с несколькими гостями стал подбирать иероглифы. Кто предлагал "быстр", кто - "упал", кто - "взлетает", кто - "бросается вниз", но угадать так и не смогли. Позже был найден еще один список - в превосходном состоянии, и там было сказано: "Он, легок, как птица, мелькает". Господин Чэнь вздыхал в восхищении - ведь всего один иероглиф, а сколько достойных мужей не смогли подобрать!

(10) Среди последователей учения Будды нынешней династии девять человек снискали себе славу стихами, потому и был известен сборник под названием "Стихи девяти монахов". Теперь-то его уже не достать) В юности я от многих слышал похвалы этим стихам. Одного из монахов звали Хуэй-чун, а имен других я уж и не припомню⁴⁰. Когда-то я для себя переписал его стихи, и там было сказано: "Кони носятся табунами внизу, на земле. Орлы вьются, дерутся за облаками в небе". И еще: "Весна рождается за хребтом Гуйлин⁴¹. А я живу на запад от Хаймэнь⁴²". Много у него было и других выдающихся строчек. Но ныне этот сборник стихов утерян, и люди не знают уже, кто такие были те девять буддийских монахов. Как жаль!

В те времена жил цзиньши по имени Сюй Дун⁴³. Это был незаурядный ученый муж, автор прекрасных стихов "цы". Встретившись с прославленными монахами (для состязания), Дун вынул лист бумаги и написал условие: "Не посмею использовать ни одного иероглифа из..." и указал такие знаки: шань (гора), шуй (вода), фэн (ветер), юнь (облако), чжу (бамбук), ши (камень), хуа

(цветы), цао (травы), сюэ (снег), сян (иней), син (звезды), юэ (луна), цинь (птицы) и некоторые другие в том же духе. Прочитав, монахи отложили кисти⁴⁴.

На третий год Сянь-пин⁴⁵ Сюй Дун выдержал экзамен и стал цзиньши. Неизвестный его современник сказал: "Чжан Кан путает все с лошадьми, Сюй Дун за наряды дерется с женою". Так это про него.

(11) Сэн Цзяо и Цзя Дао⁴⁶ страсть к стихам привела к смерти в нищете. Они, однако, всю жизнь высшую радость находили для себя в строках о бедности и страданиях. У Мэна есть стихотворение: "Переезжаю", где сказано: "Нанял повозку, скарб домашний сложил. Все вещи мои в эту повозку вместились!" Тут речь о том, что у Мэна совсем ничего нет. А в стихотворении "Благодарю человека, подарившего мне уголь" есть такая строка: "Скрюченное тело мое в тепле снова станет прямым". Кто-то заметил, что если бы Мэн дошел до такого состояния, то просто не смог бы об этом написать. Вот у Цзян: "Хоть на висках моих еще волосы есть, но чтоб соткать одежду для зимы не хватит их!" А если бы он и приказал соткать, чтобы из этого вышло? В его стихотворении "Голодаю на заре" есть такая строка: "Сижу и слышу: рядом кто-то на цине играет. Из-за холода лопнули две или три струны". Некто заметил, что уж если Цзя не мог совладать с голодом, то как же мог вдобавок вытерпеть и холод?

(12) В последние годы правления танской династии поэты уже не возвращались к вольному, раскованному стилю Ли и Ду, хотя дух их стихов все еще был высок. Например, Чжоу Пу⁴⁷ - его произведения отличаются особой грустью, и в каждом стихотворении есть достойное место. Его стихи так искусно отшлифованы, что современники превозносили их в похвалах. Говорили: "Месяцами ковал, годами отделявал, но собрания составить не успел, и (стихи) люди передавали изустно"⁴⁸. Вот как велика была слава Пу в то время, а ныне его стихи стали совсем неизвестны. В юности я держал в руках сборник его стихотворений. Помню оттуда такие прекрасные строки: "Теплый ветер несет с

собой щебетание птиц. От высокого солнца под цветами глубокая тень лежит". И еще: "С рассветом в горах гомон птичий настает. После дождя раскрываются абрикоса редкие цветы".

(13) Шэн-юй как-то сказал мне: "Хоть в поэзии и очень важен смысл, но выразить его словом - тоже трудно! Замечательно, когда и смысл свеж, и владение словом отменно - и получается такое, чего не было еще у предшественников. Нужно уметь так передать трудный для описания пейзаж, чтобы он словно становился перед глазами, а не исчерпывающиеся до конца мысли - стояли за пределами смысла слов! Только тогда достигнешь совершенства. Вот у Цзя Дао есть такая строчка: "В бамбуковую корзину горные фрукты собрал. Глиняную бутылку наполнил водой ключевой". У Яо Хэ: "Лошадь вослед горным оленям умчалась. Курица у диких птиц приют обрела". Это - стихи о горных захолустных местах, и в них выражено тоскливое смятение чиновника⁴⁹. Но по мастерству их нельзя сравнить со строчками: "Уезд старинный, корни тополя видны из-под земли. Чиновник благородный, ребра у коня его торчат"⁵⁰.

Я сказал: "Искусство владения словом действительно таково. Но какое стихотворение будет из тех, что описывают трудный пейзаж, и из тех, где смысл не исчерпан словом?" Шэн-юй отвечал: "Поэт черпает в своей душе, а читатель должен уметь понять смысл, ведь сказать прямо словами так трудно! Но можно упомянуть о чем-то похожем, как у Янь Вэя⁵¹: "Ивы на дамбе, медлительны внешние воды. Долина в цветах, спускается вечером солнце" - четыре времени года, день и ночь, гармонично сменяющие друг друга, разве не встает все это перед глазами? А строка Вэнь Тин-юня "Петух кричит, над хижинкой из тростника луна. Следы людей, на досках моста иней" или строчки Цзя Дао "Странная птица криком оглашает степь пустую. Заходящее солнце в путников испуг вселяет" - тут речь о трудностях в дороге, о тоскливых думах путника. Но разве это не за пределом смысла слов?"

(14) Шэн-юй и Цзы-мэй⁵² стали одинаково знамениты в одно и то же время, а стиль их стихов был совсем различен. Цзы-

мэй писал энергично, мощно, поражая небывалой свободой; Шэн-юй писал утонченно, долго обдумывая, вкладывая смысл праздной отвлеченной простоты. Оба они достигли наивысшего мастерства, так что даже самые искусные спорщики не могли доказать, кто из них лучше, а кто хуже.

Когда-то я написал про них стихотворение "Ночью еду через "Шуйлу"⁵³:

"Решительностью духа славится Цзы-мэй.
Он - словно вихрь из пор земли⁵⁴.
Бывает, волю чувствам даст -
Тушь винная тогда течет рекою!⁵⁵
Сродни он скакуну тысячеверстому⁵⁶ -
На волю вырвавшись, несется без преграды.
Его стихи - все драгоценный жемчуг,
И трудно что-то больше предпочесть.
Мэй-вэн был человек суровый, чистый.
Как ледяной поток, струящийся с камней.
Он тридцать лет слагал стихи,
И я в сравненьи с ним был юношей.
А стиль его был свеж и тонок,
А смысл - возвышен, хоть Мэй был стар.
И рядом с девою прелестною из Шао⁵⁷
Держался он весьма достойно!
Его четверостишья к древности стремятся,
Исполнены страданьем и тоской.
Совсем как будто ешь оливки:
Уж проглотил, а аромат не исчезает долго...
Су отличался рвущимся на волю духом,
Поклонников в смятенье приводящим.
Души глубины Мэя знал лишь я один:
Товар то древний, ныне не достать!"

Выражения тут далеки от совершенства, и я, что называется, грубыми сравнениями пытался передать суть. Но сказать, ко из них лучше, а кто - хуже, конечно, не смог.

(15) В то время, когда покойный господин Люй Вэнь-му⁵⁸ еще не держал экзаменов, он однажды проезжал через уезд, в который как раз тогда же приехал Ху Дань⁵⁹ вместе с отцом, назначенным туда служить. Ху очень холодно встретил Люя. Тут какой-то проезжий стал хвалить Люя и сказал: "Господин Люй превосходный поэт, и вам бы надо быть с ним немного более вежливым!" Ху попросил его привести в пример какую-нибудь строчку (из стихов Люя), и проезжий продекламировал: "До предела поднял фитиль у лампы, сон не идет". "Ну и любитель же поспать!" - стал смеяться Ху. Услышав это, Люй страшно обиделся и уехал.

На другой год он выдержал экзамен и послал человека к Ху с такими словами: "Любитель поспать стал чжуаньюанем⁶⁰". Ху велел ответить: "Погодите, сударь, я в будущем году тоже сдам экзамен и заглажу поражение!" И действительно, на другой год в списке выдержавших экзамены имя Ху было в числе первых.

(16) Шэн-юй как-то сказал: "Хоть смысл стихотворных строк и понятен, но беда, если найдутся люди, которые назовут стиль вульгарным или смешным. Вот, например, в стихотворении "Преподношу рыбаку" сказано: "Не вижу больше суетных придворных дел. А слышу только ветра вой и плеск воды". Кто-то сказал: "Написано так, будто болят почки или печень!" А в стихотворении "Декламатор" сказано: "Целый день искал, но так и не нашел. Вдруг - само пришло!" Трудно найти где-нибудь такие удачные строки, но вот ведь говорят: "Да это стихи какого-то ребенка, потерявшего кошку!" И все смеются!"

(17) Ван Цзянь сложил сто "Дворцовых стихов"⁶¹. Многое в этих стихах касается событий, бывших в запретном городе. Часто тут можно найти такие вещи, о которых нет записей ни в исторических сочинениях, ни в сяошо. Например: "Во дворцах уже несколько дней царит тишина. Это просто достали картину Тэн-

вана "Бабочки". Тэн-вана звали Юань-ин, это сын Гао-цзу⁶². В обеих танских историях⁶³ о его способностях не сказано ни слова, и лишь в "Записях об известных картинах"⁶⁴ мельком упоминается о том, что он был прекрасный рисовальщик, но и здесь не сказано о его умении изображать бабочек. И только в "Обрывках картин"⁶⁵ сказано: "Искусен в рисовании бабочек". А еще - в стихотворении Цзяня. Да и я слышал от кого-то, что доныне в некоторых домах хранятся его картины... О живших при Тан людях, отменно владевших каким-то искусством - например, о Гунсунь Да-нян, танцевавшей с мечом, о Цао Гане, игравшем на пипа⁶⁶, о том, как пела Ми Цзя-жун - мы узнаем из строк танских мудрецов. Благодаря им слова об этих людях дошла и до последующих поколений.

В то время благородны мужи цзюньцзы скрывали свою добродетель от мира в лесах, горах и полях, и современники мало знали о них. А их место заняли недобросовестные, не овладевшие еще мастерством люди и примазались к славе. Да, у каждого своя судьба!

(18) У Ли Бо в стихотворении "Шучу над Ду Фу" сказано: "Я спросил, что с разлуки нашей вас до такого истощенья довело? Это все - от страданий, что сложенье стихов причиняет?"⁶⁷

"Тай шоу шэн" (такой истощенный) - выражение танского времени. Но и сейчас еще используют это "шэн" как вспомогательную часть слова, вроде "цзо ма шэн" (каким образом?), "хэ сы шэн" (на что похоже?). Шаншу Тао Гу⁶⁸ принадлежит такие строки: "В шляпе с острым верхом - самый последний из простолюдинов. В сапогах с голенищем коротким - моцзюэ солдат". Это "мо цзюэ" - тоже выражение танского времени⁶⁹. Эту строчку я слышал в годы Тянь-шэн и Цзин-ю⁷⁰, и хотя со времени господина Гу прошло не так уж и много времени, никто не мог сказать, в чем смысл этого выражения. Даже Ван Юань-шу⁷¹, человек знаний глубочайших и эрудиции обширнейшей, пользующийся громкой славой и особенно отличающийся знанием

высказываний предшественников - и тот сказал, что не знает, что такое выражение значит. Я записал его, ведь наверняка найдется кто-нибудь, кто поймет.

(19) Из-за того, что поэт стремится сложить удачную строку, часто бывает, что смысл получается неясным. Это - из-за огрехов языка! Вот, например: "Ушли вы с рассветом, в рукаве черновик увещевания неся. А возвратились - для пира, с цветком золотым на шапке!"⁷². Строки вполне изящные. Но ведь когда на аудиенции императору указывают на ошибки, то непременно подается доклад, а "черновик увещевания" тут никак не годится! А вот у танского поэта: "В полночь до путника в лодке звук колокола долетел. Что бьет в храме Ханьшаньсы за стеною Гусу"⁷³. Про это говорят в таком духе: хоть и красиво, а в третью-то стражу в колокол не бьют! А у Цзя Дао в стихотворении "Оплакиваю монаха" сказано: "Осталась лишь тень от служителя Будды. Предающегося созерцанию сожгли!" Совсем смешно: будто в то время якобы буддийских монахов сжигали живьем!⁷⁴ Но у того же Цзя есть и такие строки: Иду вослед за тенью синих гор. Тренируюсь в созерцании у пагоды святых костей". Или: "Одинокó гуляю в глубокой тени у пруда. Немного отдохнул у дерева на берегу". Ну как тут развести грубое и тонкое?!

(20) На Сунцзяне⁷⁵ построили новый мост - строение великолепное, исполненное прелести! Подобного ему раньше никогда не было. Су Цзы-мэй про этот мост в стихотворении "Вдвоем с луной" написал так: "Из-за края облаков у струящихся вод показался круг золотой. Над поверхностью реки крепким сном разноцветная радуга спит...". Говорили, что этот мост вовсе не столь уж прекрасен, как в этих стихах, и такой похвалы недостоин.

У старшего брата Цзы-мэя Шунь-яня, второе имя которого Цай-вэн⁷⁶, тоже много в стихах удачных строк, но в свете распространено малое их число! Парные строки, которые он и Цзы-мэй сложили в храме Цзыгэсы, вполне достойны Ханя и Мэна⁷⁷. Как жаль, что нет возможности достать все его стихи!

(21) Сочинения покойного господина Янь Юань-сяня⁷⁸ были первейшими в Поднебесной, но искуснее всего был Янь в сложении стихов, и молодые люди обильно цитировали их, а известные ученые того времени часто посещали дом Яня. Шэн-юй за свою жизнь написал великое множество стихов, но господин Янь любил только четыре его строки: "В холодной воде рыбы жмутся ко дну. Белый сокол давно улетел уж прочь", и: "В теплой воде мелководных рыбок так много. В каплях росы ярче цвет фиолетовый лотоса". Однажды дома у Шэн-юя мне довелось видеть собственноручно написанное господином Янем письмо, где он трижды воздавал хвалу именно этим строчкам. Я удивился и спросил Шэн-юя, (в чем тут дело). "Да, это вовсе не самое большое мое достижение", - отвечал Шэн-юй. - "Видно, господин Янь нашел в этих строках какой-то свой собственный смысл". Можно ли найти литератора, начиная с глубокой древности и доныне, который не обладал бы своим личным восприятием? А с простым человеком еще труднее.

(22) Ян Да-нянь, Цянь, Лю и еще несколько господ обменивались стихами, а когда появилось "Собрание Сикунь", все стали наперебой использовать его, так что стиль стихотворный в одночасье переменился. Наставники старшего поколения очень переживали, что многие из использованных в этих стихах историй трудно понять из-за редких слов. Но все дело в недостатке учености! Вот у Цзы-и⁷⁹ в "Молодой цикаде" сказано: "Ветер примчался к стрехе из нефрита, птицы кружатся. Выпала на стебли золотые роса, еще спит журавль". Хоть тут и подразумевается одна история, но разве это нанесло вред строкам?! Или: "Ивы у моста - как наполненные ветром паруса среди волн крутых. Ударами в барабан напуганные, взлетели с берега морского чайки". Здесь никакого сюжета нет, но разве не изящно? Ведь если стихи талантливы, ученость обширна, а в кисти, что называется, силы даже с избытком, то и нет такого, о чем нельзя было бы писать! Это не те, кого раньше называли поэтами - усердствовавшие в писании о ветрах, тучах, травах и деревьях, которых ставил в тупик Сюй Дун!

(23) Много в стихах сказано о древней столице Сило⁸⁰ - о ее запущенных террасах, заброшенных прудах, по-прежнему хранящих следы далекого прошлого. Самыми выдающимися следует считать сроки покойного господина Цянь Вэнь-си⁸¹: "На фоне солнца - древние могилы, колышется туман бескрайний. Весна возвращается в пустые сады, вода журчит-журчит..."

Зал Люйетан, принадлежавший покойному господину Пэй Цзиню⁸², находится к югу от моста Уцяо⁸³. В свое время этот зал стал собственностью семьи пьюе Чжан Ци-сяня⁸⁴, и когда он ушел в отставку с поста министра, то дни проводил здесь с гостями за стихами и вином. Лучше всего об этом месте сказано в стихах гунбу Чжэн Вэнь-бао⁸⁵: "В теплой воде кряквы и чайки снуют, кормят своих птенцов. В глубокой тени от персиков и слив у ручья дремлют цветы". Говорили, что эти строки достойны Ван Вэя и Ду Фу! И хотя в стихах Цяня много удачных строчек, но никто в то время не мог написать подобного, как у Чжэна, да и в собрании стихов самого Чжэна мало найдется строчек, идущих в сравнение с этими.

(24) В Минь⁸⁶ жил некто Се Бо-чу, второе имя которого было Цзин-шань. В годы Тянь-шэн и Цзин-ю он снискал себе славу стихами. Когда я был переведен в Илин⁸⁷, Цзин-шань служил на посту фацао⁸⁸ в Сюйчжоу⁸⁹. Он прислал мне стихи, изобиловавшие изящными фразами, в частности: "Халат большого чиновника зелен как речная волна. Литературный талант ученого мужа - узорная парча из Шу". Я ответил: "Весенние думы полководца все перепутаны как облака. Взяв темой для стихов седые волосы, грустит об уходящей весне", ведь у Цзин-шаня в стихах была такая строка: "Много пережито. Не стар я еще, но голова бела. Весна приходит, в мыслях хаос - как перепутанные облака". Вот я и подшутил над ним.

Цзин-шань написал много стихов, и такие его строки как "Сам посадил я желтые цветы, украсив ими степь. Пересадил бамбук высокий и слышу в листьях шорох осени" и "Деревья в саду

распускают листы, открывает бутоны слива мэй. У озерного павильона, где нет людей, учатся ласточки летать" не уступают и танским мудрецам!

А вот со службой Се не повезло, и всю жизнь он терпел лишения, так и умер. Ныне же его стихи уже не встретишь в свете, да и род его исчез неизвестно где. Тридцать пять лет назад прислал он мне стихи, но я до сих пор помню их наизусть. Цзин-шаню не посчастливилось, можно посочувствовать, да и жаль, что стихи его в забвении. Поэтому я записываю их здесь:

"Река пряма как стрела - словно ущелье Цюйтан⁹⁰.

В теснинах гор обезьяны кричат, наполняя сердце тоской.

Возможно разве в такую даль чиновника посылать!

Годы пройдут, все вернется назад,

но иней покроет виски.

Халат большого чиновника зелен как речная вода⁹¹.

Литературный талант ученого мужа - узорная парча из Шу.

Далекой окраине вкус вы к тонкой красоте привили,

Ищут с вами знакомства наперебой жители этого края!

Талант ваш - как у Мэн-дэ, все хлопоты из-за него⁹².

А чувства - как у Ань-жэня,

что писал о скорби по жене⁹³.

Но трудно в окраине сей смирить гостя Золотых коней⁹⁴,

И новые ваши стихи сборщицы бамбука передают⁹⁵.

Знаток канонов, стихов,

составили вы исторический труд⁹⁶.

Черновики докладов трону -

и те в собрание должны войти⁹⁷.

Кто знает, может, завтра другое назначенье будет,

И в водах Цанлан омоете вы ноги

и кисти чиновничьей шапки!⁹⁸

(25) С юных лет Ши Мань-цин⁹⁹ находил удовольствие в вольном стремлении к стихам и вину. Ши обладал очень величественной внешностью, а в стихах его встречается необычный размер. А еще Ши был искусный каллиграф, манера писать у него энергичная, а сам стиль похож на стиль Яня и Лю¹⁰⁰. Написанное его рукой ценится в свете наравне с драгоценностями.

Однажды я достал бумагу, изготовленную в зале Дэнсиньтан южнотанского Хоу-чжу¹⁰¹, и Мань-цин по моей просьбе написала на ней свое стихотворение "Почтовая станция Чоуби". Всю свою жизнь Мань-цин отдал стихам. Я храню это произведение и поныне. Называю его - "третье непревзойденное". Это настоящее сокровище моего дома.

После того, как Мань-цин умер, один его земляк рассказывал, что видел Мань-цина как будто во сне, и тот сказал, что стал святым, управляет городом Фужунчэн¹⁰². Мань-цин звал земляка с собой, но тот не согласился, и тогда рассерженный Мань-цин вскочил на мула и умчался как вихрь. Потом еще рассказывали, что Мань-цин появился в доме какого-то кандидата на провинциальные экзамены и тоже звал его с собой. Кандидат не пошел, и тогда Мань-цин оставил ему стихотворение. Я приведу здесь две строчки: "Не смолкает иволги крик, уходит весенний блеск. Вслед за солнцем тень растет от цветов, по земле ползет". Удивительные дела святых знать не дано, но это стихотворение в точности такое же, как писал Мань-цин при жизни. Кандидат же ничего не понял.

(26) В оде "Радужные одежды"¹⁰³ Ван Цзяня сказано: "Слышал звук ветра, слышал плеск вод - написал "Радужные одежды". Мелодию "Радужные одежды" сегодня еще могут наиграть в придворном музыкальном классе, а умение танцевать под нее утрачено, и не передается! Хотя в свете еще две мелодии - "Гляжу на далекий Инчжоу" и "Дарю созвучия бессмертных". Говорят, что это то, что осталось от мелодии "Радужные одежды".

Раньше записи историй и преданий делались весьма подробно, но вот что такое "слышал звук ветра, слышал плеск вод" - неизвестно! У Бо Лэ-тяня есть очень подробная "Песнь о радужных

одеждах", но там ничего не сказано о ветре и водах. Записываю это. МОжет, найдется тот, кто знает, в чем тут дело.

(27) Чжао Ши-минь, сюэши из палату Лунту¹⁰⁴, снискал громкую славу обширными познаниями и тем, что был последовательным конфуцианцем. Это был скромный, обстоятельный, строгий и немногословный человек. Домашние до последних дней считали Чжао чуть ли не немым. Не только изящная проза, но и стихи его славятся изысканностью мысли. Например: "В пшеничном поле воздух влажен на рассвете. В час "у" в тени тополя прохладно так!" Никто из выдающихся людей прошлого ничего подобного не писал. Или: "На рассвете за лесом иволги перекликаются на тысячу ладов. Цветы и травы у ступеней выросли на целый чи!"¹⁰⁵. Прежде таких, как он, не было.

(28) У Туй-чжи¹⁰⁶, как говорится, сила кисти была такова, что ничего недоступного для него не было, но сам он ставил стихи ниже изящной прозы. Потому в его стихах и говорится: Переживания лишь другу по вину я доверяю. Стихи же слагаю в свободное время". Так, подшучивая над самим собой, он давал повод и своим насмешникам, однако - описания чувств человеческих или каких-то вещей, будучи переведены им на язык стиха, тут же становились верхом словесного совершенства! Он - большой мастер энергичного литературного слога, тут и говорить не о чем. Вот почему я восхищаюсь не меньше его мастерским владением рифмой. Ведь если Туй-чжи писал на обычные, широкие рифмы, то, что называется, бурные воды растекались широко, но он обращался к рифмам побочным, то возвращаясь, то удаляясь, то разъединяя, то смешивая, так что не мог соблюсти общепринятые нормы стихосложения. Стихотворение "Сегодня так тоскливо на душе" как раз такого рода¹⁰⁷

А когда он писал на рифмы редкие, то уж, что называется, не выходил сбоку. Тут проявить мастерство гораздо сложнее, и чем труднее рифма, тем изящнее получались стихи Туй-чжи! "Больной, дарю Чжану Восемнадцатому" - как раз такого рода¹⁰⁸.

Однажды я беседовал об этом с Шэн-юем, и тот, говоря о Туй-чжи, сравнил его с наездником, прекрасно умеющим править добрым скакуном. Легко нестись вскачь по полям туда и сюда, отпустив поводья. Но вот проехать среди (нагромождений) муравьиных куч в излучине реки, где надо, замедляя, а где надо - убыстряя бег, и ни в чем не ошибиться - вот это наивысшее искусство в Поднебесной! "В старой истории про Туй-чжи сказано, что он человек, крепкий как дерево" - со смехом сказал Тэн-юй. - "Обычных рифм вполне достаточно, но он тем не менее искал, что называется, боковых выходов. Одни редкие рифмы использовать трудно, но он тем не менее использовал. Не из-за этого ли своего упрямства?" Все бывшие при этом рассмеялись.

(29) С тех пор, как на экзаменационном дворе стали отбирать людей по (искусству слагать) оды "фу", среди цзиньши никто и не обращает внимания на стихи "ши"¹⁰⁹, и некому стало сказать похвальное слово. Только вот во второй год Тянь-шэн¹¹⁰ на провинциальных экзаменах шаншу Сун Ци¹¹¹ написал лучше всех стихотворение "Выбираю себе господина", и в нем была такая строка: "Гаснет заря средь отблесков за облаками. Все умолкает навстречу медленной луне", которую знали наизусть все жители столицы. Кандидаты того времени прозвали господина Сун Цай-хоу (Выбираю господина).

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод выполнен по изданию: Хэ Вэнь-хуань. Лидай шихуа (Шихуа разных эпох), Пекин, 1981, т.1, с.264-272. Также были использованы комментированные фрагменты этого же произведения, помещенные в "Оуян Сю вэнь цзи" (Избранные произведения Оуян Сю), Пекин, 1985, с.324-333.

1. В 1071 году, после неоднократных просьб получив, наконец, отставку, известный государственный деятель и литератор эпохи Северная Сун (968-1127)

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

Оуян Сю приехал в Инчжоу (совр.провинция Аньхой), где еще три года назад по его распоряжению на берегу реки Жухэ была выстроена усадьба, поселился тут и прожил уединенно последний год своей жизни. Сю было уже создано великое множество произведений в самых различных жанрах - стихотворений, бессюжетной прозы, трактатов, исторических сочинений, однако, здесь, в Инчжоу он написал еще одно - "Шихуа отшельника Лю-и", не столь значительное по объему как "Новая история династии Тан", но сыгравшее большую роль в дальнейшем развитии китайской литературы. У этого произведения есть разные названия - "Шихуа Лю-и", "Шихуа господина Оу", "Шихуа господина Оуян Юн-шу", "Шихуа господина Оуян Вэнь-чжуна". У Мэн-фу пишет, что первоначально это произведение называлось просто "Шихуа" (У Мэн-фу. Тан Сун гувэнь бацзя гайшу (Очерки о восьми авторах гувэнь эпох Тан и Сун), Хэфэй, 1985, с.75) Этого же мнения придерживается Го Шао-юй (Го Шао-юй. Сун шихуа као (Разыскания о сунских шихуа), Пекин, 1985, с.2).

Псевдоним "Лю-и" Оуян Сю взял себе в 1070 году. Вот как объяснил он смысл этого псевдонима в "Жизнеописании отшельника Лю-и": "Некий гость спросил: "А что значит Лю-и?" (Шесть "один")?" Отшельник отвечал: "В моем доме хранится один вань (десять тысяч) цзюаней книг, собрана одна тысяча цзюаней записей на камне и бронзе (речь о "Каталоге собранных древностей", 1062, - И.А.) начиная с трех династий древности (т.е.с XXI в. до н.э. до III в. до н.э., дин. Ся, Инь, Чжоу - И.А.), есть одни шахматы, один цинь, и на стол я всегдаставляю один чайник вина". Гость: "Да, но тут получается всего У-и (Пять "один")!" Отшельник отвечал: "А со мной, стариком, встретившим преклонные годы среди этих вещей, разве не будет шесть?" (Избранные произведения..., с.315).

2. Имеется в виду сунский вельможа Ли Фан (924-996), второе имя которого было Мин-юань, а посмертное имя - Вэнь-чжэн. При дворе Северной Сун он несколько раз занимал посты министерского ранга, был и членом императорской академии Ханьлиньюань. Известен своей эрудицией и образованностью, а также тем, что в качестве главы императорской коллегии руководил в 70-80-х годах X века составлением фундаментальных собраний письменных текстов, в том числе и "Тай-пин гуан цзи" ("Обширные записки годов Тай-пин") - собрания прозы сяошо.

3. Лю Чжэнь (942-980), последний император династии Южная Хань (917-971), земли которой располагались на территории Гуаннани (т.е. сов.провинции Гуанси и Гуандун). Правил с 957 по 971 год.

4. Мэн Чан (918-965), последний император династии Поздняя Шу (933-956), подчинивший себе земли совр. провинции Сычуань, юга Шэньси, юго-востока Ганьсу и запад Хубэя. Правил с 935 по 965 год.

5. Ли Юй (937-978), последний император династии Южная Тан (937-975), контролировавшей земли совр.провинции Цзянсу, Аньхой, Фуцзянь, Хунань и восток Хубэя (т.е. Цзяннани. Великий поэт. Правил с 937 по 975 год. Все эти три владения были последовательно присоединены к вновь образовавшейся империи северная Сун.

6. Т.е. 963 год.

7. Чжао Куан-инь (927-976), храмовое имя Тай-цзу, первый император династии Сун. Находился на троне с 960 по 976 год.

8. С 963 по 968 год.

9. Т.е. 968 год.

10. С 968 по 976 год.

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

11. 927 год.

12. Т.е. в 975 году.

13. Речь идет об изготавливавшихся из нефрита (или кости) ритуальных скипетрах, которые высшим сановникам полагалось держать в руках как символ власти во время приемов при дворе, проведения дворцовых жертвоприношений или других ритуальных действий.

14. Четвертый император династии Северная Сун Чжао Чжэнь (1010-1063), храмовое имя Жэнь-цзун, правил с 1023 по 1063 год.

15. Танский поэт Бо Цзюй-и (772-846), второе имя которого было Лэ-тянь. Поэтическое творчество Бо Цзюй-и характеризовалось стремлением к простоте языка. Л.З.Эйдлин писал: "Простоту Бо Цзюй-и понимал не как облегченность мысли и формы, а как сильный отказ от традиционной перегрузки стихов литературными и историческими намеками... Мы читаем в старинной китайской поэтической критике: "Всякий раз, когда Бо Лэ-тянь сочинял стихи, он понятность их проверял на простой старухе. Он спрашивал ее: "Понятно тебе?", и если она отвечала: "Непонятно", - переписывал". (Л.З.Эйдлин. Бо Цзюй-и. - в кн.: Бо Цзюй-и. Стихотворения. М., 1978, с.15). Многие последователи Бо Цзюй-и понимали это стремление к простоте более вульгарно.

16. Т.е. человек не имеет полной возможности насладиться даже тем, что находится совсем рядом с ним и, казалось бы, вполне доступно.

17. В сунское время так назывался город Лоян (Хэнань). Город стоял на берегу реки Лохэ.

18. Около 7 км.

19. Область, существовавшая на территории современной провинции Хэнань с 713 года.

20. Речь идет об известном сунском поэте Мэй Яо-чэне (1002-1060), второе имя которого было Шэн-юй. Оуян Сю и Мэй Яо-чэнь связывали узы близкой дружбы. Оуян Сю преклонялся перед талантом Мэя и высоко ставил его взгляды на теорию поэзии, в чем еще у читателя будет возможность убедиться ниже.

21. Фань Чжун-янь (989-1052), второе имя Си-вэнь, литератор и крупный политический деятель сунского времени, вдохновитель и один из лидеров движения за реформы (Подробнее см.: З.Г.Лапина. Политическая борьба в средневековом Китае (40-70 = е годы XI в.), М., 1970).

22. Речь, видимо, идет о том, что карьера и судьба Мэй Яо-чэня сложились вовсе не так благополучно, как могли бы сложиться при его талантах. Это понимал он сам, да и Оуян Сю писал в предисловии к сборнику стихов своего друга: "Мой друг Мэй Шэн-юй в юные годы за заслуги отца был назначен на вакантный пост в уезде. Он много раз сдавал экзамен на степень цзиньши (высшая ученая степень, дающая право на занятие высокого поста в аппарате управления - И.А.), но, из-за тирании власть придержащих жил в бедности, и так продолжалось десять с лишним лет (...). Он вынужден был таить в себе свои таланты, не имея возможности применить их на служебном поприще..." (Избранные произведения..., с.259).

23. Су Ши (1036-1101), второе имя которого было Цзы-чжань, а литературный псевдоним - Дун-по. Один из виднейших культурных деятелей и политиков северосунского Китая. Оуян Сю был назначен главным экзаменатором, когда Су Ши сдавал экзамены, и отметил его.

24. Современная провинция Сычуань. Су Ши был родом из Мэйшани.

25. Мань - общее название, употреблявшееся в старом Китае для обозначения целого ряда некитайских племен, т.н. варваров, населявших юг современного Китая, провинции Гуандун и Гуанси.

26. Е.А.Серебряков пишет о халате с такой же вышивкой, сделанном в землях юго-западных варваров (Е.А.Серебряков. Китайская поэзия..., с.171).

27. Возможно, это Лэй Вэй, известный мастер, изготавливавший цини. Он жил при Тан (618-907) в Сычуани. Цини его производства особенно ценились в сунское время.

28. 826 год.

29. Т.е. из совр.провинции Цзянсу.

30. Буддийский монах Цзань-нин (919-1001) известен как историк китайского буддизма. Как сообщается в "Жизнеописании достойных монахов династии Сун", его мирская фамилия была Гао, а происходил он из Чжэцзяна. Постриг принял в одном из буддийских монастырей Ханчжоу. В 978 году был приближен к сунскому двору, и ему пожаловали титул "Достигший Прозрения Наставник". Цзань-нин занимал при дворе ряд постов, в том числе и руководящие - в ведомстве по управлению делами буддийских монахов Сэнлусы.

31. Стихи "цы" характеризуются нерегулярной длиной строки, определенной системой чередования тонов и тем, что писались на определенную мелодию, что позволяет переводить "цы" как "романс". Жанр возник в конце правления династии Суй (581-618) и приобрел при Сун широкое распространение.

32. Дугуань - чиновничья должность, секретарь императора по военным и судебным делам.

33. Цзань-нин намекает на то, что император Цинь Ши-хуан (на троне с 221 по 209 год до н.э.) в свое время распорядился изъять и уничтожить все книги - за исключением циньских анналов, медицинских и гадательных книг, а также казнить книжников, которых, например, живьем закапывали в землю.

34. Чжэн Гу (ум.в 897 г.?) проявил свои таланты уже в раннем детстве. Известно, что он уже в семь лет умел писать стихи и был по достоинству оценен в 8

38 году поэтому Сыкун Ту, служившем вместе с отцом Чжэна. В 897 году Чжэн Гу действительно был назначен на пост дугуаня. Оставшиеся после Чжэн Гу стихи были собраны в сборнике "Облачная терраса".

35. Литературный псевдоним Мэй Яо-чэня был Господин из Ваньлина (Ваньлин сяньшэн), где Ваньлин - старое название сунского уезда Сюаньчэн в области Сюаньчжоу (пров.Аньхой), место рождения поэта. Отсюда и название сборника стихов.

36. Сунский сановник и поэт Чэнь Чун-и (XI в.) при императоре Жэнь-цзуне занимал высокие посты, в том числе был и чжуншу шэжэнь (т.е. главный секретарь государственной канцелярии).

37. Т.н. пяньливэнь или пяньтивэнь - стиль ритмической прозы, возникшей еще в ханьское время (II в. до н.э. - II в. н.э.) и сформировавшийся окончательно к VI в. Главными особенностями стиля являются неперенные параллелизмы при четырех или шести знаках в строке. Постепенно проза пяньли стала объектом бесконечного украшения формы при забвении содержания.

38. Речь идет о сборнике стихов "Сикунь чоучан цзи" (Собрание поэтических экспромтов из Сикунь), составленном Ян И (947-1020), куда составитель включил 248 произведений - своих собственных, а также знакомых и друзей (в том числе и Лю Юня (?-1024), которого упоминает Оуян Сю): всего 17

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

авторов. "Семнадцать поэтов, представленные в сборнике, занимали крупные посты в столице, были причастны к составлению и редактированию императорских указов и посланий. Они общались с небольшим кругом знати, проводили время в беседах с друзьями и обсуждении стихотворений, воспринимавшихся как знак избранности. Ян И, Лю Юнь, Цянь Вэй-янь (?-1030), Ли Цун-э (964-1012) и другие образовали поэтическое направление сикунь, характеризующееся увлечением стихотворной техникой и невниманием к содержанию произведений. В их стихах воспевалась жизнь двора и знати, передавалось чувство восхищения красотой дворцов, богатством праздничных увеселений" (Е.А.Серебряков. Китайская поэзия..., с.17). Тем не менее, "собрание Сикунь" быстро вошло в моду, распространилось и вызвало целую волну подражаний. Потому Оуян Сю и пишет, что стиль переменялся в одночасье. Сам он выступал резко против формализма в поэзии.

39. В виду имеется стихотворение великого танского поэта Ду Фу (712-770), где описываются достоинства военачальника Цай Си-лу и перечисляются его боевые качества, которые Цай не раз демонстрировал в бою - том числе и владение приемами рукопашного боя, о чем идет речь в процитированной строчке.

40. Монахов звали: Си-хуа из Люнани, Бао-сянь из Цзиньхуа, Вэнь-чжао из Наньюэ, Син-чжао из Тяньтая, Цзянь-чан из Жучжоу, Вэй-фэн из Цинчэна, Юй-чжао из Цзяндуна, Хуай-гу из Эмэя, Хуэй-чун из Хуайнани. "Но знаменит был только Хуэй-чун. Его хвалил и Оуян Сю"- писал Чжэн Чжэнь-до (Чжэн Чжэнь-до. Чатубэнь чжунго вэньсюэ ши (Иллюстрированная история китайской литературы), Пекин, 1981, т.2, с.463). Образовав поэтическое содружество, монахи эти постоянно обменивались стихами и выработали в результате свой поэтический стиль, оказавший определенное влияние на последующие поэтические школы и направления.

41. Гуйлин - горный хребет на северо-востоке уезда Хэсянь в Гуандуне.

42. Хаймэнь - уезд в провинции Цзянсу, на морском побережье.

43. Сюй Дун (976?-1017?) славился знанием "Цзочжуани", комментария к летописи "Чунь-цю", был крупный поэт, а кроме того, был известен и как искусный воин, прекрасно владевший большим мечом.

44. Т.е. Сюй Дун дал обязательство не использовать часто употребляющихся именно в стихах и легко рифмующихся иероглифов, что усложняло задачу. Увидев это, монахи поняли, что имеют дело с большим мастером, сознательно себя ограничивающим, и признали свое поражение, так и не начав состязания.

45. Т.е. в 1000 году.

46. Мэн Цзяо (751-814) - известный танский поэт, в молодости удалившийся на гору Суншань и поселившийся там в уединении. Попытки сдать государственные экзамены и получить должность оканчивались для него неудачно, так что выдержать экзамен поэту удалось только в 50 лет, но и после этого большие должности занять ему было не суждено. Цзя Дао (779-843) - тоже известный танский поэт. В юные годы он постригся в буддийские монахи, однако потом вернулся в мир и после нескольких попыток сдал экзамены на должность. Также не занимал высоких постов. И он, и Мэн Цзяо не достигли в жизни исполнения желаний, потому в их стихах и господствуют темы страданий, лишений и неудовлетворенностью жизнью, над чем Оуян Сю весьма желчно издевается ниже.

47. Чжоу Пу (ум.в 878 г.), танский поэт, как и Мэн Цзяо, жил в уединении на Суншани, где тесно общался с местными буддийскими монахами и обменивался

стихами. Расположение к монахам Чжоу сохранил и позже - будучи на службе, он часто делал щедрые пожертвования буддийским монастырям. Хуан Чао (ум. в 884 г.), восстав, решил пригласить Чжоу на службу, но тот отвечал в том смысле, что не может служить разбойнику, за что Хуан Чао в гневе велел его казнить.

48. Чжоу Пу действительно не успел свести свои стихи в сборнике, и это за него сделал поэт Линь Сун (IX в.) уже после смерти Чжоу. Он собрал более ста стихотворений и составил сборник в две цзюани.

49. Яо Хэ (775-955?) - танский поэт, отличавшийся особым пристрастием к пейзажным стихам. По стилю его стихотворения напоминают стихотворения Цзя Дао, поэтому в китайской традиции принято говорить до них вместе - "Яо и Цзя".

50. Строки танского поэта Ду Фу. В старом Китае перед зданием уездного управления имели обыкновение сажать несколько тополей; торчащие из-под земли корни говорят о том, что этим тополям уже много лет, а прискорбное состояние чиновничьей лошади - о стесненном материальном положении ее хозяина, не берущего взятки и потому - "благородною".

51. Янь Вэй - танский поэт (IX в.), не слишком прославившийся своими стихами. Пожалуй, наиболее известны именно эти его строки.

52. Су Шунь-цин (1008-1048) - известный сунский поэт, второе имя которого было Цзы-мэй. Родился в Кайфэнэ. При дворе занимал ряд высоких постов, однако позже был сослан служить в провинцию (в Сучжоу). "...Су Шунь-цин был убежден в высоком назначении литературы передавать настроения народа и выражать душевное состояние автора, его нравственные черты и идеалы" (Е.А.Серебряков. Китайская поэзия..., с.142).

53. Полное название этого стихотворения "Ночью проезжая через Шуйлу, посылаю Цзы-мэю и Шэн-юю", Оуян Сю написал его в 1044 году, когда, будучи послан служить в Хэдун, по пути проезжал через Шуйлукоу (в северо-западной части совр.уезда Ваньсянь в Хэбэе).

54. Намек на книгу Чжуан-цзы (369-286 гг. до н.э.), где сказано: "То, что выдыхает земля - именуется ветром, этот ветер враз, с пугающим завыванием вырывается из бесчисленных пор земли" (Чжуан-цзы ши и /Чжуан-цзы с современным переводом/, Сяньнин, 1986, т.1, с.23), т.е. Оуян Сю сравнивает характер Су Шунь-цина с мощным вихрем.

55. Т.е. среди дружеского застолья, разгоряченный вином и задушевной беседой, он требует себе бумагу и кисть, и начинает писать стихи в порыве вдохновения и готов продолжать и продолжать.

56. легендарный конь, способный в день пробежать без усталости расстояние в тысячу ли. По легенде внешне такой скакун мало чем отличался от прочих коней, потому и распознать его мог лишь великий знаток лошадей - Бо-лэ (см.: Чжуан-цзы, гл.Конское копыто, с.199). В поэзии "тысячеверстый скакун" часто использовался как символ рвущейся на свободу безудержной энергии и силы.

57. Дева из Шао - Шао, местность на территории совр.Гуандуна, славилась своими красавицами.

58. Это сунский вельможа Люй Мэн-чжэн (946-1011), второе имя которого было Шэн-гун, а посмертное имя - Вэнь-му. Успешно сдав в 977 году экзамены на степень цзиньши, Люй стал служить и занимал при дворе высокие посты, в том числе и министерского ранга. За заслуги он был пожалован двором почетным титулом Цайго-гуна.

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

59. Ху Дань - сунский вельможа и литератор, славившийся обширными знаниями и изяществом поэтического слога. В 978 году он действительно блестяще выдержал экзамен и в списке был первым. Умер 80-ти лет отроду.

60. Почетный титул, дававшийся первым трем в списке выдержавших экзамен на степень цзиньши.

61. Ван Цзянь (751?-835?) - танский поэт, служил с 775 года при дворе, имея постоянный доступ в запретные покои, и потому знал многие подробности жизни императорской семьи. Ему принадлежит упоминающийся здесь сборник "Дворцовые стихи" ("гунши"), куда вошло сто стихотворений в жанре "цы". От этого сборника берет начало поэтический жанр гунши.

62. Танский император Ли Юань, храмовое имя Гао-цзу, правил с 618 по 628 год. У него было 22 сына. Подробнее о Тэн-ване см.: Синь Тан шу (Новая история династии Тан), Пекин, 1986, т.11, с35-60.

63. В виду имеются - "Старая история династии Тан" ("Цзю тан шу"), составленная в 940-945 гг. и "Новая история династии Тан" ("Синь Тан шу"), составлением которой руководил Оуян Сю.

64. Сочинение танского автора Чжан Янь-юаня, представляющее из себя что-то вроде аннотированного каталога с глубокой древности по годы Хуэй-чан (841-846).

65. Неясно, что за сочинение имеется в виду.

66. Оуян Сю говорит о стихотворении Ду Фу "Наблюдаю, как Гунсунь Даян с ученицами танцует танец с мечами" и стихотворении Бо Цзюй-и "Слушаю, как Цао Ган играет на лютне пипа".

67. В переводе А.Гитовича это стихотворение звучит так:

"На вершине горы,
Где зеленые высятся ели,
В знойный солнечный полдень
Случайно я встретил Ду Фу.
Разрешите спросить:
- Почему вы, мой друг, похудели -
Неужели так трудно
Слагать за строкою строку?"
(в кн.: Поэзия эпохи Тан, М., 1986, с.130).

68. Тао Гу (903-970) служил на довольно высоких постах еще в период Пяти Династий (907-979) при дворах разных царств. В сунское время был назначен в академию Ханьлиньюань, славился обширнейшими познаниями по самым разным вопросам.

69. Интересно, что это выражение дошло до нас только благодаря Оуян Сю, который записал его, надеясь, что "наверняка найдется кто-нибудь, кто поймет". Словарь "Цы юань" (Пекин, 1983, т.2, с.1501) предлагает три варианта толкования этого выражения: 1. низкий в смысле худородный, поскольку в сунское время облезлых собак называли "могоу". Отсюда презрительное "мо" распространилось и на простолудинов, носящих короткое платье; 2. строптивый. В просторечии уже тогда существовало выражение "мумо" - где "му" это дерево: негнибачеобразный, упрямый как дерево; 3. наконец, просто короткий. Таким образом, по аналогии с первой строкой, где сказано о последнем из простолудинов, можно предположить, что и "моцзюэ" следует понимать в таком же уничижительном смысле и переводить все словосочетание как, например, "наирапоследний из солдат".

70. С 1023 по 1037 год.

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

71. Ван Чжу (997-1057), второе имя которого было Юань-шу, человек громадных знаний и широчайшей эрудиции, острый ум которого проявился уже в раннем детстве. Был сведущ буквально во всем - начиная от истории и каллиграфии и заканчивая математикой и астрономией.

72. Строки из стихотворения сунского поэта Ван Цао (XI в.) "Преподношу министру Ли Фану". Речь идет тут о блестяще сделанном докладе государю, за который чиновник пожалован дарами и повышением по службе. Автор из-за стремления к соблюдению параллелизма пренебрег смыслом и вставил "черновик увещевания" (цзянь цао) в пару к "золотому цветку на шапке" (гун хуа), что и отметил Оуян Сю.

73. Строки танского поэта Чжан Цзи (768-830) из его стихотворения "Ночью причалил к мосту Фэнцзяо", написанного в лодке, где поэт заночевал, проезжая мимо г.Гусу (совр.Сучжоу).

74. Стихотворение это называется "Оплакиваю буддийского монаха Бо-яня" и речь в нем идет о том, что после смерти Бо-яня остались лишь изображающие его рисунки, тогда как само тело было сожжено. Однако, Цзя Дао выразился так, что можно понять, будто Бо-яня сожгли живьем, когда он сидел, предаваясь созерцанию.

75. Сунцзян - старое название реки Усунцзян в Цзянсу.

76. Су Шунь-юань (1006-1054) помимо стихов известен и как каллиграф (он был мастером почерка цаошу). Но в славе он, конечно, не мог сравниться с братом.

77. Возможно, в виду имеется храм на горном пике Цзыгэшань (Шэньси), а также танские поэты Хань Юй (768-824) и Мэн Хао-жань (689-740).

78. Сунский поэт Янь Шу (991-1055), второе имя которого было Тун-шу, а посмертное имя - Юань-сянь. Семи лет отроду Янь умел слагать стихи, а проза его, по признаниям современников, отличалась изяществом и тонкостью стиля. Потому в 1004 году он был назван "божественным отроком" (шэнь тун). Янь много служил, был дружен со многими знаменитостями, в том числе и с Оуян Сю.

79. Видимо, в виду имеется сунский врач Лу Цзо-сюй (XI в.), известный также и как поэт.

80. Старое название древней столицы г.Лояна.

81. Это Цянь Вэй-янь (перв.пол. XI в.), второе имя которого было Си-шан, а посмертное - Вэнь-си, сунский поэт и чиновник, современник авторов "Собрания Сикунь".

82. Танский вельможа Пэй Ду (765-839), занимавший крупные посты при дворе и служивший на высших должностях в провинции (например, цзедуши - генерал-губернатора). За заслуги был пожалован титулом Цзиньго-гуна.

83. Речь идет об обширном загородном поместье Уцяочжуан, принадлежавшей Пэй Ду. Оно находилось недалеко от танской столицы г.Лояна (в южной части совр.уезда Лоянсянь в Хэнани), в этом поместье и был зал Люетан.

84. Чжан Ци-сянь (943-1014), сунский министр и книжник, известен тем, что, еще не будучи на службе, остановил проезжавший через Лоян императорский поезд и коленопреклоненно поднес проект реформ в десяти пунктах. Так он был замечен при дворе. Один из постов, который занимал Чжан Ци-сянь, был - пьюе, пост министерского ранга.

85. Чжэн Вэнь-бао (952-1012), сунский поэт, автор многих ставших популярными строк, прекрасный каллиграф (почерк чжуань), музыкант (играл на цине).

Оуян Сю. Шихуа отшельника Лю-и

86. Старое название совр. провинции Фуцзянь.

87. Илин - уезд и уездный город в совр. провинции Хэбэй. Оуян Сю был послан управлять этим уездом в наказание за то, что поддерживал министр Фань Чжун-яня (989-1052) и способствовал проведению в жизнь задуманных им реформ. Фань Чжун-янь был отстранен от дел, и его единомышленники были посланы служить в провинцию.

88. Фацао - судейский чиновник в областном управлении.

89. Сюйчжоу - область, располагавшаяся в совр. Хэнани.

90. Ущелье с отвесными стенами, в котором течет р. Янцзыцзян. Находится в восточной части уезда Фэнцзесянь в Сычуани.

91. Незадолго до этого Оуян Сю был высочайше пожалован повышением в должности до пятого ранга, а такие чиновники имели право носить при дворе зеленое платье. На что и намекает Се Бо-чу.

92. Речь идет о танском поэте Лю Юй-си (772-842), второе имя которого было Мэн-дэ. Карьера его знала падения и взлеты, и его неоднократно посылали служить в провинцию, причиной чему часто становились его бескомпромиссная прямота и стремление к справедливости. Тема изгнанника, отвергнутого двором чиновника, незаслуженно пострадавшего подданного стала одной из главных в творчестве Лю Юй-си. Се Бо-чу, видимо, намекает на то, что и Оуян Сю пострадал из-за своей прямоты и попал в опалу. Это, впрочем, соответствует действительности: достаточно вспомнить широко известную историю с осуждающим письмом, которое Оуян Сю направил на имя цензора Гао Жо-на, которое послужило формальным поводом для ссылки в Илин.

93. Имеется в виду поэт Фань Юэ (ум. в 300 г.), второе имя которого было Ань-жэнь. Он отличался острым умом. Преподнеся императору У-ди (на троне с 265 по 290 г.) оду по случаю императорской охоты, Фань снискал себе известность и славу. Особой популярностью пользуется написанный им цикл "Скорблю об умершей жене" в трех стихах. Се Бо-чу, с одной стороны, хочет сказать, что по своему восприятию мира Оуян Сю был близок к Фань Юэ, отличавшемуся утонченностью чувств, а с другой - намекает на горе, постигшее Оуян Сю в 1035 году, когда умерла его вторая жена, дочь Ян Да-я (965-1033).

94. Ханьский У-ди (на троне с 140 по 89 г. до н.э.) установил у ворот своего дворца золотую статую любимого коня, отсюда и пошло название: иносказательно об императорском дворе.

95. Намек на стихотворный цикл "Бамбуковая ветвь" (стихов там более десятка), принадлежащий кисти Лю Юй-си и написанный им в изгнании. Эти стихи были сложены в подражание народным песням.

96. Речь идет о "Новой истории династии Тан".

97. Подразумевается собрание сочинений Оуян Сю.

98. Цанлан - старое название реки Ханьшуй (приток Янцзы, впадающий в нее у г. Ухань). Намек на строки из стихотворения Цюй Юаня (340?-289? гг. до н.э.) "Отец-рыбак", где сказано: "Если воды Цанлана будут чисты, я омою в них кисти от шапки. Если воды Цанлана будут мутны, я омою в них ноги".

99. Ши Янь-нянь (994-1041), второе имя Мань-цин, поэт, известный свободолобием и пристрастием к вину. Помимо поэтического дара, был еще талантливый полководец.

100. В виду имеются два прославленных каллиграфа танского времени. Один из них - Янь Чжэнь-цзи (709-785) был известный вельможа и военачальник, славившийся широтой познаний. Особенно преуспел в архаических

почерках. Другой - Лю Гун-цюань (778-865) - также занимал ряд высоких постов, в том числе был и наставником наследника трона. Начав с подражаний Янь Чжэнь-цину, он постепенно выработал свой каллиграфический стиль. Янь и Лю пользовались таким авторитетом, что современники считали своим сыновним долгом просить их сделать мемориальную запись на стеле, устанавливаемой на могиле родителей. Большое влияние Янь и Лю оказали и на развитие каллиграфии за пределами Китая.

101. См. прим. 5.

102. Легендарный город, где обитают бессмертные.

103. Сокращенное название мелодии и танца "Радужные одежды и наряд из перьев" или "Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор" (Л.З.Эйдлин). Такое название мелодия получила в 754 году, известно, что под нее прекрасно танцевала любимая наложница императора Сюань-цзуна (на троне с 712 по 756 г.) Ян Гуй-фэй. Однако после восстания Янь Лу-шаня и Ши Чао-и (продолжавшихся с 755 по 763 г.) выяснилось, что в военных беспорядках мелодия частично оказалась утерянной.

104. Чжао Ши-минь (перв. пол. XI в.) уже в 9 лет отменно владел литературным слогом. Начал службу с поста уездного секретаря и закончил при дворе в палате Лунтугэ, принадлежавшей к придворной академии Ханьлиньюань, на должности сюэши (букв.: ученый муж).

105. Час "у" - с 11 до 13 часов, 4 чи - около 30 см.

106. Речь идет о знаменитом политическом деятеле, литераторе и одном из зачинателей танского этапа движения за возврат к литературному стилю древних Хань Юэ (768-824), второе имя которого было Туй-чжи. Видя свой долг в помощи владыке в установлении гармонии в Поднебесной, Хань Юй подавал императору советы со всей прямоотой, не боясь высказываться откровенно, даже если это могло разгневать владыку. Хорошо известен случай, когда Хань Юй выступил с резким осуждением императора, готовившегося в столице встречать мощи будды. Для Хань Юя это чуть не кончилось трагически. Хань Юй был для Оуяна Сю образцом как политического деятеля, так и литератора.

107. Это стихотворение называется "Преподношу Чжану Цзи (стихи о том), как сегодня тоскливо на душе". В ней Хань Юй зарифмовал 66 иероглифов, чтения которых в большинстве своем принадлежат к так называемым мужским рифмам второй группы ровного тона. Вообще же существует 170 иероглифов с чтениями, принадлежащими к этой группе (так называемые широкие или обычные рифмы), и простое вычисление показывает, что Хань Юй обошелся всего третьей возможной вариантой. При этом он использовал также и иероглифы, чьи чтения относятся к первой группе ровного тона (то, что названо побочными рифмами), то есть нарушил общепринятые нормы, усложнив себе задачу.

108. В этом стихотворении Хань Юэ зарифмовано 22 иероглифа, чтение которых в традиционных китайских словарях рифм относится к третьей рифме первой группы ровного тона. К этой рифме всего принадлежит около 50 иероглифов, и она относится к редким. Хань Юй использовал всего 22. Это усложнило и без того непростую задачу. Однако он сумел и соблюсти законы стихосложения, и не нарушить смысла слов.

109. Поэтический жанр "ши" (классические стихи) характеризуется строгим размером (как правило, пяти или семисложные строки), непременно рифмовкой, частыми параллелизмами. Оды "фу" - стихотворения в прозе (ритмическая проза) разных размеров, с рифмой или без нее. Самый термин этого жанра фу

обсуждался в китайской литературе с самого ее, можно сказать, возникновения, ибо его границы и тип неясны (...). Я считаю, что слово "поэма" более общо, чем "ода", но не отказываюсь и от "оды" в качестве ближайшего русского перевода китайского фу" (В.М.Алексеев. Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве - в кн.: В.М.Алексеев. Китайская литература. М., 1978, с.250).

110. То есть в 1024 году.

111. Сун Ци (998-1063) - сунский литератор и чиновник, служил одно время начальником департамента общественных работ (гунбу шаншу). Вместе с Оуян Сю составлял "Новую историю династии Тан" - ему там принадлежат биографические описания.

Пер.и прим.И.А.Алимова

SUMMARY

The I.Alimov's article "Shihua of Liu-yi the Anchorite" investigates one of the first "shihua" (詩話) - "talks on poets, poems and poetry" (J.T.Liu) by Ouyang Xiu (1007-1072), a poet and official of the Northern Song Dynasty in China (968-1127). The commented translation of the whole text is included.